

УДК 930(476+477):282

Е. Е. Барсуک

О ПРАВОСЛАВНОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ В XVII – XVIII вв.

Ключевые слова: межконфессиональная борьба (православие, католичество, униатство), религиозно-полемическая литература XVI–XVII вв., Брестская церковная уния, православная историография XVII – XVIII вв., Сильвестр Косов, Феодосий Сафанович, Иннокентий Гизель, Георгий Конисский.

В статье рассматриваются особенности формирования православной историографической традиции на белорусских и украинских землях в XVI – XVIII вв., анализируются работы известных православных авторов Сильвестра Косова, Феодосия Софоновича, Иннокентия Гизеля, Георгия Конисского. Они обосновывали исторические права на свободу вероисповедания “русинов”, пропагандировали тезис славянского единства с целью обеспечения равенства православных на белорусских и украинских землях и необходимость защиты “веры отцов”. Дана характеристика религиозно-полемической литературе, которая обусловила дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства и стала основой формирования православной историографии.

В современной исторической науке дискуссионными являются проблемы развития национального самосознания народов Европы в XVI – XVIII вв., следствием чего становится борьба за соответствующую идентификацию, что выявило необходимость изучения историко-культурного наследия, накопления исторических знаний и формирования историографических традиций.

В Речи Посполитой борьба за национальную идентичность наиболее остро выразилась в межконфессиональном противостоянии православия, католичества и униатства, в создании белорусско-украинской православной оппозиции, обусловленной взаимодействием в рамках единой иерархической структуры и правового поля, нашла отражение в полемических произведениях конца XVI – XVIII вв. Религиозно-полемическая литература обусловила дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив принципиально различное понимание сущности унии, ее роли и значения в историографии от резко негативных оценок православных деятелей до позитивных в работах католических и униатских авторов, разделив общество на два противоположных лагеря.

Однозначно отрицательные оценки Брестской церковной унии, распространенные в православной полемической литературе на белорусских и украинских землях, оказали огромное влияние на российскую историографию XIX в., опирающуюся на обширную документальную базу (многотомные издания археографических комиссий: “Акты, относящиеся к истории Западной России”; “Акты, издаваемые Виленской археографической Комиссией”; “Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов”; Памятники полемической литературы в Западной Руси и др.). Одной из первых таких работ стала работа Н. Бантыш-Каменского, в которой автор делал акцент на гонениях на православных со стороны католиков и униатов, московском заступничестве за “единоверных и единоплеменных своих” [1].

К середине XIX в. в дореволюционной российской историографии оформилось два основных подхода к изучению конфессиональной ситуации на белорусских и украинских землях в составе Речи Посполитой: антикатолический и положительной оценки роли униатства в сохранении самобытности белорусов и украинцев, получившие дальнейшее развитие и в XX в. Однако господствующие позиции во второй половине XIX – начале XX вв. занимала официальная концепция “триединого русского народа” (великороссы, малороссы, белорусы), верного православию и противостоящего католицизму на Западе, существование которой было обусловлено противостоянием с “великопольской” концепцией (поляки, литвины, русины). В 80–90-е гг. XIX в. в дореволюционной российской историографии сформировалось стереотипное отношение к униатам, демонстрируя пропольский и прокатолический характер их истории.

Развитие украинского и белорусского национальных движений в начале XX в. вызвали необходимость переосмысления этнополитических и конфессиональных процессов в национальной истории. Огромное влияние на формирование национальной историографии оказали М. С. Грушевский, В. Ластовский, Вс. Игнатовский, представляя историю украинского и белорусского народов, в которой немаловажную роль сыграли межконфессиональные отношения, как самостоятельную, особую и самобытную.

В советское время в изучении конфессиональной истории в Речи Посполитой господствовал тезис о “польско-католической агрессии” против белорусских и украинских земель [2]. В современной исторической науке сохраняется тенденция различных подходов к оценке конфессиональных отношений в Речи Посполитой от православной традиции до признания культурно-просветительской деятельности католических орденов и оценки униатства как социокультурного феномена, способствующего сохранению самобытности народов. Это обусловило необходимость изучения развития общественно-политической, правовой и религиозной мысли, выявления конкретно-исторических условий формирования исторических знаний, анализа целей, средств и аргументов историографических источников. Таким образом, целью данной работы является выявление условий и факторов накопления знаний об истории православия на белорусских и украинских землях в XVI – XVIII вв. (формировании православной историографии).

Идеологическим обоснованием формирования православной традиции в историографии стала религиозная полемика, широко развернувшаяся после публикации трактата иезуита Петра Скарги “О

единстве Церкви Божей под одним пастырем” в 1577 г., в которой он обосновал идею межконфессиональной унии историко-культурных, политических и догматических позиций [3].

Идея унии не воспринималась однозначно не только инициаторами и сторонниками церковного единства (И. Потей, И. Вельямин-Руцкий, И. Кунцевич Л. Кишка и др.), но и противниками. Для одних ее вдохновителей уния была средством контрреформационной политики, для других – способом решения внешне и внутривнутриполитических задач или возможностью усиления позиций православия. Конкретное воплощение идей церковного единства в виде решений Брестского собора 1596 г. имело политические цели – расширение влияния католичества и ликвидацию православной иерархии, что вызвало недовольство рядового православного духовенства. В связи с этим противники унии (Х. Филалет, К. Острожский, З. Копыстенский, А. Филиппович и др.) говорили о неправомерности претензий католической церкви на первенство в Беларуси и Украине, где православного населения большинство, а православные иерархи предавали веру предков из-за желания увеличить собственное политическое влияние и экономические выгоды. Эта несколько упрощенная позиция закрепились в православной историографии в отношении православных сторонников униатства. Наиболее ярким подтверждением этому являются оценки деятельности Мелетия Смотрицкого, Кирилла Транквилион-Ставровецкого после их перехода в униатство, Кассиана Саковича – в униатство и позднее в католичество. Насаждение унии вызывало не только межконфессиональную борьбу, но и общественно-политическую и социальную конфронтацию.

Чтобы противостоять масштабной униатской пропаганде необходимо было подготовить талантливых православных полемистов и развернуть широкую культурно-просветительскую деятельность. Реформированные или созданные в конце XVI – начале XVII вв. братства сыграли ключевую роль в консолидации белорусско-украинского православного сообщества, защите свободы вероисповедания, развитии образования и книгопечатания. Именно из этой среды выходят выдающиеся учителя и публицисты Герасим и Мелетий Смотрицкие, Стефан и Лаврентий Зизанин, Захария Копыстенский, Кирилл Транквилион-Ставровецкий, Леонтий Карпович, Фома и Игнат Иявлевичи и др. Ведущую роль среди православных братств на белорусских и украинских землях занимали Львовское и Киевское, получившие статус ставропигии (подчинявшихся только Константинопольскому патриарху).

С 30-х гг. XVII в. основным православным культурно-просветительским центром становится Киевский коллегиум, позднее называвшийся Киево-Могилянским, обучение в котором давало хорошую подготовку для продолжения образования в лучших европейских университетах. В коллегиуме при Петре Могила была создана новая редакция церковнославянской Библии на основе греческого канонического текста [4, с. 80].

Среди православных монастырей своей просветительской деятельностью выделялись Свято-Духов в Вильно и Богоявленский в Киеве, Почаевская и Киево-Печерская лавры. Общественный резонанс получил изданный в Вильно в 1632 г. в защиту православия “Синописис”, подготовленный монахами Свято-Духова монастыря специально для Сената и послов Вального Сейма в Варшаве, где обосновывались исконные права православных на свободу вероисповедания, избрания митрополита и священников, приводились жалованные грамоты, универсалы и сеймовые конституции с 946 г. по 1632 г., в том числе Грамоты 1386 г., 1501 г., 1511 г., 1514 г., 1550 г., 1557 г. и др. Результатом дискуссий стало подписание “Артикулов для успокоения православных”, которые восстанавливали юридический статус православной церкви.

Первые антиуниатские трактаты издаются в 1588 г. в Остроге: “История о разбойничем или Флорентийском соборе”, “О одной настоящей православной вере” [5]. Православные авторы XVII в. писали на старорусском, церковнославянском, греческом языках, латыни, цитировали хронистов М. Стрыйковского, Кромера, Длугаша, античных авторов Платона, Аристотеля, Вергилия, Горация. Полемика о том, какая вера является истинной, чьи традиции более древними, а Церковь – преемницей апостольской, обусловили изучение исторического наследия и духовной традиции, истоки которой белорусские и украинские православные публицисты находили в греко-византистском наследии: “Вся наука, которой гордятся латинники... грецкие то суть мудрости, Платонова и Аристотелева и иных философов грецких мудрость”. Поэтому, по мнению З. Копыстенского “мы, Россове, для наук в краи Немецкие удаемяся, не по латинский, але по Грецкий розум удаемяся, где як власное заходним от греков на час короткий повиреное, отбираемо” [6, с. 900–901].

Конфессиональные противоречия в Речи Посполитой способствовали формированию идеи обращения за помощью к единоверцам в Московском государстве. В православной публицистике активно начинает пропагандироваться тезис славянского единства на белорусских и украинских землях с целью обеспечения равенства православных на этих землях. Во второй половине XVII в. он распространяется и на Москву. Постепенно оформляется идея православного восточнославянского единства, позднее позаимствованная в качестве фундамента официальной идеологии Российской державы с целью обоснования законности юрисдикции Московского патриархата.

Сторонниками лояльности к Московскому патриархату и его покровительства при сохранении самостоятельности Киевской митрополии были Фома и Игнат Иевлевичи, Сильвестр Косов, Петр Могила и др. Профессор Киево-Могилянского коллегиума, затем игумен Полоцкого Богоявленского монастыря, возведенного в сан киевским митрополитом П. Могилой, Игнат Иевлевич в 1656 г. утверждал: “Православию Белороссийскому имети по тме свет, по власти, зело враждующей на благочестие, видети царя Великаго Государем не токмо Малыя и Белья России, но всего победами прежде повсюду славнаго Королевства Польскаго и Великаго княжения Литовскаго, ревнующим по благоверии вельми велико дело есть, и благодарственных всяких молитв достойно” [7, с. 320–321].

Однако социально-политические и конфессиональные противоречия в Речи Посполитой, война с Русским государством вызывали неоднозначное отношение самих создателей концепции. Об этом

свидетельствует характеристика П.Могила, данная ему российским исследователем истории православия XIX в. К. В. Харламповичем: “вопрос о характере отношений Петра Могила к Москве мы бы так решили: не отдавая безусловного предпочтения польскому политическому и общественному строю перед Московским государством с его жестокости, неограниченным самодержавием и невежеством, поскольку проявления последнего были и в Польше, Могила только тогда и настолько полностью был на стороне польско-литовской, когда правительство обеспечивало гражданские и религиозные свободы своим подданным православным, и чем больше они притеснялись, тем сильнее он своими симпатиями стремился к Москве, которая для него и для многих других была последним убежищем” [8, с. 50].

О формировании историографической традиции, позитивно оценивавшей роль православной церкви в истории белорусских и украинских земель и негативно рассматривавшей последствия принятия Брестской церковной унии и влияния католичества, можно говорить со второй половины XVII в. Необходимость обоснования самобытности “русских земель” в Речи Посполитой определило появление исторических трактатов в стенах Киево-Печерской лавры. В большинстве литературных произведений XVII – XVIII вв. роль Киева определялась как духовного центра православия, история которого излагалась с начала крещения Руси апостолом Андреем, затем княгиней Ольгой и князем Владимиром, обеспечения свободы вероисповедания в ВКЛ и дискриминацию православных в Речи Посполитой. Наиболее известными трудами в XVII в. были *Patericon* (Киево-Печерский Патерик, обработанный Сильвестром Косовым), “Кройника” Феодосия Сафоновича, “Синописис” Гизеля.

Сильвестр Косов, преемник П. Могила выступал за сохранение юрисдикции Константинопольского патриархата. Возможно с этой целью им был переработан Киево-Печерский Патерик и на его основе создан в 1635 г. польскоязычный “*Patericon abo Zywoły swetych ojcow pieczarskich*”, содержащий не только жития святых печерских старцев, но и сведения о истории крещения Руси (пяти этапах от Андрея Первозванного до киевского князя Владимира), хронологию киевских митрополитов до Петра Могила, свидетельствующий о роли и значении Лавры и ее святынь для христианских народов. Он ссылался на известные в Европе работы Мартина Бельского, Мацея Стрыйковского, Яна Длугоша и др. [9]

В 1661 г. Киево-Печерский Патерик был издан на церковнославянском языке в редакции архимандрита Иосифа Тризны, также представлявший не просто жития святых, а историю Руси и Киевской обители как сакрального центра православия. Текст аргументирован фактами хроник и летописей, утверждает преемственность Киевской митрополии Речи Посполитой от Киевского княжества [10].

Хроника игумена Михайловского Златоверхого монастыря Сафоновича состояла из трех частей: “Кройники о Руси”, “Кройники о початку и назвиску Литвы”, “Кройники о земли Полской” и представляла собой очерк военно-политической и церковной истории Киевского и Галицко-Волынского княжеств, в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой [11]. Автор разделял взгляды православных полемистов на введение унии и расширение влияния католичества, рассматривал казачество как защитника православия и пропагандировал идею православного единства. Его “Кройника” оказала значительное влияние на 2-ую и 3-ю редакции Киевского “Синописиса” (1678 г., 1680 г.), в целом переиздававшийся в России более 30 раз с дополнениями и изменениями на протяжении XVII – XIX вв. в соответствии с целями редактора или издателя, “Ядро российской истории” Манкиева.

“Синописис, или Краткое описание от различных летописцев о начале славяно-российского народа, о первоначальных князях богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя Киевского и всея России первого самодержца Владимира, и о наследниках благочестивыя державы его российския, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Федора Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца” традиционно рассматривался как основа формирования российской историографии, определяя его однозначную промосковскую политическую ориентацию. В нем провозглашалось единство Великой и Малой России, общность “православнороссийского” народа, кратко сообщалось о разделении “русской митрополии” [12]. Был единственной “печатной Русской историей до издания Ломоносова Краткого Российского Летописца [13, с. 116].

О. Лаппо-Данилевский говорил о концентрации внимания автора на истории Киевского княжества и одновременном желании автора связать ее с историей Москвы [14, с. 19]. По мнению М. Кояловича, Синописис — “обширнейшее исследование о происхождении славян, где помещена и басня о происхождении славян от библейского Мосоха, для более удобного объяснения Москвы, москалей, очевидно для большей славы их... главное внимание автора сосредотачивается на Киеве... Синописис поражает своей зависимостью от польских хроникеров, ... но по направлению — это чисто русская, патриотическая книга, ... но слава и честь России были очень дороги и для авторов Синописиса, чем и объясняется то, что Синописис стал надолго учебною книгою российской истории” [15, с. 86–87]. Н. Сумцов в статье об Иннокентии Гизеле в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона называет киево-печерского архимандрита “сторонником Москвы”, который поддерживал “сношения с московским правительством по монастырско-хозяйственным и политическим вопросам, по временам брался отстаивать вольности малороссийские, но его политические ходатайства оставляли без удовлетворения”. Советские историки также поддерживали эту концепцию. Так, Е. Еремин утверждал, что автор “Синописиса” концентрирует свое внимание на становлении российского самодержавия, не обращая внимание на тот факт, что большая часть текста посвящена истории Киева и украинских земель в целом [16, с. 214]. С. Пештич считал главной мыслью работы, что является необходимость воссоединения земель белорусских и украинских земель в составе Российской державы, которая обосновывается историческим прошлым [17, с. 286]. Ю. Мыцык говорил о феодальной ограниченности мировоззрения автора,

проявившаяся в его нежелании показывать казацко-крестьянские восстания, поскольку в трактате отсутствуют упоминания о двух важнейших событиях конца XVI в. – середины XVII в.: о Брестской церковно-религиозной унии и о т. н. Хмельниччине [18, с. 24].

Современные исследователи не могут точно определить, когда и в каких исторических обстоятельствах, с какой целью был создан Синописис, кто являлся его автором и каких взглядов он придерживался, полностью ли аутентично произведение или подвергалось редактированию, имело заказной характер или было политическим манифестом Киево-Печерской лавры, провозгласившим единство с Московским патриархатом, желая сохранить автономию Киевской митрополии. Одни исследователи отдают предпочтение гипотезам о коллективе авторов, переработавших Хронику Сафоновича или Синописис, изданный Виленским православным братством в 1632 г., или создавших новый компилятивный труд на основе известных нарративов. Другие предполагают единоличное авторство Иннокентия Гизеля или игумена Феодосия Сафоновича, печерского эконома П. Кохановского, архимандрита Иосифа Тризны, типографа Ивана Армашенко [12]. Время создания сочинения неизвестно, известна только дата издания – 1674 г. По мнению украинской исследовательницы И. Жиленко, основной текст Киевского Синописиса был написан в период с 1651 г. по 1653 г., поскольку не содержит упоминания о смерти киевского воеводы Адама Киселя, для использования в качестве энциклопедического справочника для чтения Киево-Печерского патерика и других агиографических и полемических трудов. Это объясняет сосредоточенность автора или авторов (авторство также точно не установлено) на церковной истории Киева и истории Лавры. В основной текст были внесены более поздние вставки (2-я и 3-я редакции, 1678 г. 1680 г.) ярко выраженной промосковской направленности, что послужило основанием для формирования т. н. идеи русского единства, которая прочно закрепилась в российской историографии. Иллюстрацией подобной концепции является издание в 2006 г. сочинения “Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674)” (предисловие и подготовка текста О. Я. Сапожникова, И. Ю. Сапожниковой). В аннотации редакторы замечают: “Синописис доказывает: идея объединения единого русского народа под властью единого государства была рождена не в Москве, а в юго-западных землях и оформлена в Киеве... Особенно сильно звучит древний текст, в котором есть “Россия”, “Русь”, “Земля Российская”, “государство Русское”, “все княжения Российские”. В последних главах появляются “Великая и Малая и Белая Россия” [19]. Однако, на наш взгляд, эти понятия использовались в XVII в. не в этнонациональном значении, а в конфессиональном и территориальном.

Анализ текста Синописиса свидетельствует, что автор придерживался идей православного панславизма и единого происхождения всех славянских народов, центром и духовной столицей которых являлся Киев. Следовательно, Киево-печерская Лавра и Киевская митрополия претендуют на поддержку соседних православных народов, в том числе и Московской монархии, начало которой положено в Киеве. Позицию редактора и упоминание российских самодержцев при издании труда можно объяснить желанием сохранить или укрепить позиции церковной иерархии после Переяславской рады.

Значительное влияние на формирование православной историографической традиции оказали историко-полемические труды архиепископа Могилевского Г. Конисского.

Деятельность Г. Конисского как православного иерарха, в первую очередь, была направлена на защиту прав верующих и агитацию среди униатов о возможности перехода в веру отцов, эти же практические цели преследовали работы Могилевского архиепископа единственной православной епархии на белорусских землях. В 1765 г. он подает “Мемориал об обидах православным по случаю представления новому королю Станиславу Августу Понятовскому”, в котором он перечисляет “случаи угнетения православных в Речи Посполитой, которые имели место за время его епископства с приложением списка церквей, отнятых в унию”, а в 1767 г. в Варшаве издает книгу “Права и воляность исповедующих греко-восточную веру в Польше и Литве”. Священный Синод признал ее весьма полезной: “Оную книгу для случающихся впредь справок взнестъ в список и хранить в канцелярии Св. Синода с Указными книгами, а для удобнейшего чтения перевесть ... на российский язык”. Попыткой систематического изложения истории западнорусских православных епархий от “начала их возникновения до недавних лет” с краткими биографическими сведениями об их иерархах была работа “Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях, в Польше бывших, благочестивых, т.е. греко-восточного исповедания, кои римлянами обращены на унию или соединены с Римскою церковию” с приложением “Каталога православных епископов Могилевских”, изданная уже после первого раздела Речи Посполитой [20].

Георгий Конисский сформулировал основы православной историографической традиции в своих работах “Записки преосвященного Георгия Конисского о том, что в России до конца XVI века не было никакой унии с Римскою церковию”, “История русов или Малой Росии”. По мнению некоторых исследователей, авторство и время создания последнего труда спорно, поскольку первоначально он был известен в нескольких рукописных списках и опубликован в 1846 г. с пометкой издателя Бодянского об авторстве Белорусского архиепископа Георгия Конисского [21, с.167].

В предисловии к изданию “Истории Русов” в 1746 г. он подчеркивал: “история Малой Росии до времен нашествия на нее татар с ханом их Батыем соединена с историей всей Росии или она и есть единственная история Российской, ибо всем известно начало сея истории вместе с началом правления Российского беретса беретса от князей и Княжеств Киевских...”. По словам автора, источниками для своих работ были “летописи и записки белорусские, яко из страны единоплеменной, соседствующей и от руин Малороссийских удаленной”, и конкретно “Летопись, что ведена с давних лет в Могилевском искусными людьми, сносившись о нужных сведениях с учеными мужами Киевской Академии и разных знатнейших Маророссийских монастырей, паче тех, в коих проживал монахом Юрий Хмельницкий... оставивший в них многия записки и

бумаги отца своего Зиновия Хмельницкого и самые журналы достопамятностей и деяний национальных”, а также античных источников, западных и польских хроник, полемической и богословской литературы, трудов польских историков [22, с.1-2].

Могилевский архиепископ развивал идею о необходимости объединения великороссов, малороссов и белорусов в составе России и доказывал исторические права белорусского православия. Г. Конисский продолжил киевскую традицию, начиная “Историю” с краткого рассказа об рододе киевских князей, этапах христианизации Руси, в том числе упомянув Андрея Первозванного, княгиню Ольгу и князя Владимира, писал о толерантности в ВКЛ до конца XVI в.: “религия русская греческого или иерусалимского исповедания уравниена с римской католической на равные права и преимущества, яко свободная и союзница, утверждена привилегиями королевскими и сеймовыми конституциями” [22, с. 8], резко негативно оценивал итоги Брестской унии: “...Народу Русскому давши испытать самую горестную чашу, какову и во дни Нерона и Калигулы не все христиане вкушали... Уния явилась здесь в лисьей коже, но с волчьим горлом” [22, с. 32]. В своих работах акцентирует внимание на истории казачества и его позитивной роли в защите православия, определяет хронологические этапы гетманства от Ленцкоронского и Д. Вишневецкого до Мазепы и Скоропадского. Конисский оценивает деятельность Петра Могилы как одного из самых выдающихся деятелей православия [22, с. 48].

На его материалы ссылались практически все российские исследователи истории православия в западнорусских землях в XIX в., в том числе Н. Н. Бантыш-Каменский, Евгений Болховитинов, Макарий Булгаков, Филарет Гумилевский, С. Т. Голубев и многие другие. Тем самым можно говорить об оформлении православной традиции в российской историографии.

Таким образом, в условиях межконфессиональной борьбы, необходимости защиты свободы вероисповедания православного населения на белорусских и украинских землях на протяжении XVII-XVIII вв. сложилась православная историографическая традиция, которая обосновывала исторические права “русинов” на исповедание веры предков, необходимость ее защиты, утверждала преемственность византийских традиций Киевской митрополии, пропагандировала тезис славянского единства, духовным центром которого был Киев. Идеологической основой историко-религиозных трактатов, опубликованных в Киево-Печерской лавре (“Patericon” С. Косова, “Патерик” И. Тризны, “Синописа” И. Гизеля и др.), была религиозно-полемическая литература, оценивавшая униянистство как результат усиления позиций католической церкви и дискриминации православных в Речи Посполитой.

Источники и литература

1. Бантыш-Каменский, Н.Н. История Малой России. В 2 ч. / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М.: тип. Семена Селивановского, 1830.
2. Я. Мараш. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века. – Минск, 1974; А. Игнатенко. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (второй пол. XVI–XVIII вв.). – Минск, 1974.
3. Скарга, П. О единстве церкви / П. Скарга // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. – Кн. 2. – Стб. 223–526. – Русская историческая библиотека, издаваемая археограф. комиссией. – Т. 7.
4. Исаевич, Я.Д. Преемники первопечатника / Я. Д. Исаевич. – Москва: “Наука”, 1981. – 190 с.
5. О единой истинной православной вере и святой соборной апостолской церкви. Откуда начало приняла, и како повсюду распрострися. Сочинение Острожского священника Василия // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. – Кн. 2. – Стб. 633–938. – Русская историческая библиотека, издаваемая археограф. комиссией. – Т. 7.; История о разбойничьем Флорентийском соборе, изданная клириком Острожским в 1598 году // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Сенатская типография, 1903. Кн. 3. – Стб. 433 – 476. – Русская историческая библиотека, издаваемая археограф. комиссией. – Т. 19.
6. Копыстенский, З. Палинодия или Книга Оборона кафолической святой апостолской Восточной Церкви / З. Копыстенский // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1 Русская историческая библиотека. – Т. 4. – С. 313–1200.
7. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н. Новиков. – 2-е изд. – М.: Тип. компании типографической, 1788. – Ч. III. – 476 с.
8. Харлампович, К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К. В. Харлампович. – Казань: Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914. – Т. I. – XXIV, 878, LXVI.
9. Patericon albo Żywoty śś. Oyców Pieczarskich... Sylwestra Kossowa. – W Kijowie w drukarni Ś. Lawry Pieczarskiej Roku 1635 / Sylvestr Kosov // Репр. вид. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. – Volume IV. – Cambridge, Mass., 1987.
10. Яковенко Н. Символ “Богохранимого града” у пам’ятках київського кола (1620–1640-ві роки) / Наталя Яковенко // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. – К.: Критика, 2002. – С. 296–330.
11. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Вид. Ю.А. Мицик и В.М. Кравченко. – Київ: Наукова думка, 1992.
12. Жиленко І.В. Синопис Київський. Лаврський альманах / Ред. рада: В. М. Колпакова (відп. ред.) та ін. – К.: ВІПОЛ. – Спецвип. 2: Синопис Київський / І. В. Жиленко. – 2002. – 194 с.
13. Болховитинов, Евгений. Иннокентий Гизель // Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви / Е. Болховитинов. – М., 1995. – С. 116–117.
14. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк развития русской историографии. / А.С. Лаппо-Данилевский // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6.
15. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. Изд. 3-е. – СПб.: Типография Суворина, Эртелев пер., д. 13.
16. Еремин, Е. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. / Е.П. Еремин // Труды отдела русской литературы. – 1959. – Т. 10.
17. Пештич, С. Л. “Синопис” как историческое произведение / С.Л. Пештич // Труды отдела древнерусской литературы. – 1959. – Т. 15.
18. Мыцык, Ю. А. Украинские летописи XVII века / Ю.А. Мыцык. – Днепропетровск, 1978.

19. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) /предисловие и подготовка текста О. Я. Сапожниковой, И. Ю. Сапожниковой. – М.: издательство “Европа”, 2006. – 248 с.
20. Теплова В. А. Церковная история Беларуси в трудах отечественных историков XIX – начала XX века. [Электронный ресурс] <http://hramvsi.by/teplova.htm> Дата доступа 20.07.2015
21. Калакура, Я. С. Українська історіографія: Курс лекцій /Я.С. Калакура. – К.: Генеза, 2004. - 496 с.
22. История русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа белорусского/ репринтное воспроизведение издания 1846. – Киев: РИФ “Дзвін”, 1991. – 320 с.

Barsuk E. Orthodox tradition in the historiography of the XVII-XVIII centuries.

The article considers peculiarities of formation of the orthodox historiographical tradition on the Belarusian and Ukrainian lands of the XVII-XVIII centuries, analyzes the work of the famous orthodox authors Sylvestr Kosov, Feodosy Sofonovich, Innokenti Gizel, Georgy Konissky. They are proved the historical rights for a freedom of worship of “Ruthenians”, propagandized the thesis of Slavic unity for the purpose of ensuring equality of Orthodox Christians on the Belarusian and Ukrainian lands and need of protection of “belief of fathers”. The description of the religious polemic literature of the XVI - XVII centuries, which caused discussions about a role and a place of Catholicism, Orthodoxy and an uniatsvto, became an ideological basis of orthodox tradition.

Key words: religious scramble (Orthodoxy, Catholicism, the Uniat Church), religious and polemic literature XVI–XVII centuries, Brest church union, orthodox historiography XVII-XVIII centuries, Sylvestr Kosov, Feodosy Sofonovich, Innokenti Gizel, Georgy Konissky.